

«...Áèèæå ê ì èèî ì ó ì ðåååëó...»

(«Çà» è «ì ðî èèå» ì åðåí åñåí èü ì ðåðà Ì óøèèí à
 èç Ñåýòîí åí ðñèîí åí ì ì í àñòóðý. Ñòðåí èòó èñòî ðèè.)

Вопрос о переносе праха Пушкина из Святогорского монастыря возникал по крайней мере трижды. Чтобы понять, с чем это было связано и как это происходило, нам необходимо перелистать страницы далекого и не совсем далекого прошлого.

Вопрос о месте последнего упокоения не был при жизни безразличен для Пушкина. За семь лет до гибели в стихотворении «Брожу ли я вдоль улиц шумных...» (1829) он написал такие строки:

*И хоть бесчувственному телу
 Равно повсюду истлеть,
 Но ближе к милому пределу
 Мне все б хотелось почивать...*

«Ближе к милому пределу» означало: ближе к родовому гнезду, ближе к природе...

Сельский погост, «Смирненное кладбище», где «неукрашенным могилам есть простор» обладал в глазах поэта неоспоримым преимуществом перед «публичным», городским кладбищем.

И совсем незадолго до смерти в 1836 году появляется стихотворение «Когда за городом задумчив я брожу...», в котором поэт сравнивает два кладбища - городское («хоть плюнуть да бежать...») и сельское («Но как же люблю мне осеннюю порой, в вечерней тишине, в деревне посещать кладбище родовое»).

В свой последний приезд в Михайловское весной 1836 года, похоронив мать, поэт внес вклад в монастырскую казну за место на фамильном кладбище и для себя.

Сразу же после смерти Пушкина 29 января 1837 года Жуковский подал записку императору Николаю Павловичу о милостях семье Пушкина (сохранился черновик этой записки).

«Вот мысль, которую осмеливаюсь

Иванова Валентина Кузьминична – ст. научный сотрудник Государственного музея-заповедника А. С. Пушкина “Михайловское”

представить на благоусмотрение В.И. В-а, Пушкин всегда говорил, что желал бы быть погребенным в той деревне, где жил (кажется), если не ошибаюсь во младенчестве, где гробы его (отцов) предков и где недавно похоронили его мать (мы хотели перенести туда его тело)... Эта деревня, сколько я знаю заложена; ее могут продать; вместе с нею и прах Пушкина может сделаться собственностью равнодушного к нему заимодавца, и Русские могут не знать, где их Пушкин. Не можно ли эту деревню (очистить), очистив от всех долгов, на ней лежащих (купить и) обратить в майорат для вдовы и семейства...».

30 января утром А. И. Тургенев писал своей двоюродной сестре А. И. Нефедьевой из Петербурга в Москву:

«Пушкина будут отвезти в понедельник, но еще не знают, здесь ли, или в Псковской деревне предадут его земле. Лучше бы здесь, в виду многочисленной публики, друзей и почитателей его. Деревня может быть продана и кто позаботится о памятнике незабвенного поэта!».

«2 часа. Кажется, решено, что его повезут в деревню...».

В этом письме впервые были высказаны мысли, которые через много лет, как мы увидим дальше, получают свое развитие и продолжение. Прежде всего, это мысль о том, что Пушкин должен быть похоронен достойно, в присутствии многочисленных своих почитателей; это и опасения относительно того, что Михайловское может быть продано, - и тогда что будет с могилой Пушкина. «Лучше бы здесь», т.е. в Петербурге, - писал А. И. Тургенев.

По просьбе вдовы поэта и согласно воле покойного было разрешено перевезти тело Пушкина в «Псковскую губернию, Опочецкий уезд, монастырь Святые Горы для предания там земле».

Почти 50 лет ничто не тревожило покой дорогой для каждого русского сердца могилы. Но в конце 19 века, накануне 100-летнего юбилея Пушкина, в печати время от времени циркулировали разные слухи и невероятные проекты.

«Кстати, говоря о памятнике Пушкина, нельзя не упомянуть о появившемся в печати слухе, будто этот памятник намерены заменить другим, роскошным мавзолеем. Если этот проект действительно осуществится, будет чрезвычайно жаль, так как могила поэта потеряет тогда свой элегический характер. Кроме того, думается, что это было бы неуважением к памяти тех лиц, несомненно любивших А. С. Пушкина, заботами и усердием которых был сооружен этот скромный мавзолей.

Вообще, надо сказать, что предстоящая Пушкинская годовщина породила несколько странных проектов, из которых наиболее несообразным нам представляются предложения о перемене памятника и о перенесении праха поэта из Святых Гор, где он покоится под сенью родного храма, в Михайловское, где нет не только церкви, но даже и часовни...

Еще недавно Григорий Александрович (сын поэта) поправлял цоколь и он был обмазан цементом. Но беда в том, что цемент трескается на морозе. Вот и теперь заметно, что он потрескался, - только и всей беды»,¹ - писал журналист Евгений Опочинин в своем очерке «От Москвы до Святых Гор», помещенном в одном из мартовских номеров газеты «Московский листок» за 1899 год. А побывал он в пушкинских местах зимой этого же года и встречался с жившим тогда в Михайловском сыном поэта Григорием Александровичем Пушкиным.

О переносе могилы Пушкина подумывал даже и сын Пушкина Григорий Александрович. Еще в 1880-х годах он писал псковскому губернатору и в духовную консисторию о том, что необходимо наконец привести в порядок могильный холм в Святогорском монастыре, в противном случае он вынужден будет перевезти прах отца в Михайловское. Эта мысль его необыкновенно остро волновала.

«На мой взгляд, всего лучше было бы, если бы перенести прах отца из Святых Гор в Михайловское. Здесь можно бы похоронить

его в саду, перед домом; площадь здесь большая, и для всех приехавших хватило бы места. Кроме того, я не понимаю Михайловского без могилы Пушкина. Раз здесь будет учреждение имени моего отца, раз из Михайловского хотят создать, так сказать, вечный памятник отцу, то само собой очевидно, что и прах его должен покоиться здесь же, а не в Святых Горах, иначе получится нечто неполное, чего-то будет не хватать. Сверх того, и присмотр за могилой здесь будет совершенно иной»,² - делился он своими мыслями по этому вопросу с журналистом и писателем Александром Яблоновским, побывавшим у Григория Александровича в Михайловском в 1899 году.

Мысль о перенесении останков Пушкина волновала общественность еще многие годы. Основной причиной этого было постепенное оползание могильного холма.

17 февраля 1927 года на страницах газеты «Правда» было опубликовано «Ходатайство о перенесении праха Пушкина в Ленинград». «К уполномоченному Наркомпроса, - говорилось в статье, - поступило от 225 служащих, рабочих и студентов ходатайство о перенесении праха Пушкина из села Михайловское в Ленинград. Подписавшиеся предлагают объявить всесоюзную подписку на перенесение праха Пушкина...» и т.д.

Мысль о перевозе гроба встретила отрицательное отношение со стороны многих видных пушкинистов.

«Мы, нижеподписавшиеся, - опубликовали они в ответ, - видим в такой мотивировке искажение истинной воли А.С. Пушкина, который говорил, что ему «ближе к милому предлогу хотелось почивать», который, хороня мать в Святогорском монастыре, приготовил себе могилу возле матери, за год до смерти, который откупил себе могилу, протестуем против заявления, готового осиротить «теплицу юных дней поэта», разорвать его с уголком, где им созданы лучшие произведения, где каждая тропинка, каждая аллея, каждый ручеек лепечут о нашем поэте.

Что дал Петербург Пушкину при его жизни - издевательства, гонения, нулю. Перенесение праха поэта - не честь, а бесчестие для него. Взывая к чувствам поклонников поэта, считаем необходимым заявить,

что прощание псковичей с останками поэта будет одновременно прощанием всего общества СССР с тем заповедным уголком - Михайловским, Тригорским, которые взлелеяли Пушкина. Разоривший могилу поэта должен взять на себя ответственность за разорение заповедного уголка...».

Это письмо подписали около 200 человек.

6 марта 1927 года в газете «Псковский набат» в информации под рубрикой «Среди краеведов» сообщалось, что «группа почитателей Пушкина решила ходатайствовать перед соответствующими органами о перенесении останков Пушкина из Пушкинских Гор в Ленинград, имея в виду, что могильный холм постепенно оползает, а из-за неудобства сообщения сильно затруднено посещение могилы массой экскурсантов».

В марте 1927 года состоялся XVII Опочечский уездный съезд советов, депутаты которого выразили протест против проекта перенесения праха поэта из Пушкинских Гор в Ленинград. Вот что было сказано в проекте резолюции по этому вопросу: «В связи с появившейся заметкой в газете «Правда» № 39 по поводу поступившего в Наркомпрос ходатайства от 225 человек служащих, рабочих и студентов о перенесении праха А.С. Пушкина из Пушкинских Гор в Ленинград, категорически протестовать против этого ходатайства, которое нарушает ясно выраженную волю поэта, указавшего место для своей могилы рядом с могилой своей матери» в бывши. Святогорском монастыре (ныне Пушкинские Горы). Это свое желание поэт подтверждает в стихотворении «К художнику» и «Брожу ли я вдоль улиц шумных» словами: «Хотя бесчувственному телу равно повсюду истлевать, но ближе к милому пределу мне все ж хотелось почивать». Этим милым пределом для А.С. Пушкина, несомненно, являются дивные по своей красоте и уюту места теперешнего госзаповедника «Пушкинский уголок».

Это колыбель его гениального творчества, столь любимая и воспетая поэтом в его произведениях. Красота и поэтичность места признана и наркомом А.В. Луначарским, посетившим заповедник летом 1926 года. Царский же Питер не мог быть желанным

местом для вечного успокоения поэта, так как Питер сумел только отравить жизнь поэта и безвременно злодейски его убить. Те же средства, которые потребовались бы для перенесения праха поэта, лучше употребить на охрану могилы его как исторического и дорогого для всего русского народа памятника...».

Та же газета «Псковский набат» от 15 марта 1927 года в статье «Праха Пушкина не переносить» сообщала, что «местное население встретило эту мысль с величайшим негодованием и даже называет ее «погромом исторического памятника», дорогого всему союзу и Псковской губернии в особенности. Тем более, что и сам поэт в стихотворении «К художнику» определенно высказывает отвращение к городским кладбищам. Местное население считает, что перенос праха не только в Ленинград, но даже и в село Михайловское, которое он так любил, - недопустим. Было бы более целесообразным обратить внимание на ремонт могилы поэта и древнего храма (времен Иоанна Грозного, 1569 г.) как тоже ценного исторического памятника, связанного с именем поэта и с местом его погребения. Население само идет навстречу этому и уже организует, по примеру Ленинграда, общество «друзей Пушкинского заповедника», ставящее своей целью заботу об охране всего, что связано с памятью дорогого поэта А.С. Пушкина. Общество уже насчитывает до 200 членов».

Наступил 1937 год. Столетие со дня смерти А. С. Пушкина.

«Юбилей тогда прошел по всей стране очень широко... В Михайловском был к этой дате - 27 января 1937 года наконец, восстановлен на пепелище дом-музей Пушкина и открыта в нем музейная экспозиция. Она была посвящена полностью биографии и творчеству Пушкина, а не только Михайловскому периоду... Но так как в те времена пушкинские места посещали не столь широко, как теперь, их посещали тогда редкие паломники, у юбилейного комитета были планы перенесения праха Пушкина, впоследствии после юбилея, в Москву. Этому помешала война».³

Мы привели фрагмент из воспоминаний исследователя жизни и творчества А. С. Пушкина Н. И. Грановской (некоторое время

она работала в заповеднике, поднимала Михайловское после войны вместе с другими сотрудниками музея и готовила юбилей 1949 года).

Столетняя годовщина трагической смерти Пушкина была с необычайным подъемом и единодушием отпразднована не только в советской России, но и за рубежом, как тогда говорили «во всех уголках русского рассеяния». В связи с Пушкинской годовщиной в газетах и журналах Русского Зарубежья появились многочисленные публикации.

В 1937 году в журнале «Иллюстрированная Россия» № 11, издававшемся в Париже, была напечатана статья Бурцева «Россия должна устроить Пушкину национальные похороны». Владимир Львович Бурцев (1862-1942) - общественный деятель, публицист, историк, издатель, мемуарист. Учился в Петербургском и Казанском университетах, впоследствии эмигрировал.

В своей статье Бурцев предлагал перенести прах Пушкина из Святогорского монастыря «в сердце России - в Москву, в ту Москву, с которой у него было связано так много воспоминаний...».

«В 1837 году, - писал Бурцев, - Пушкина хоронили тайно - воровски. Зная, что общественное мнение хотело почтить память его как общепризнанного великого поэта, правительство приняло самые решительные меры, чтобы при похоронах не было проявлено ему сочувствия».⁴

Бурцев знал, что Пушкин сам выбрал местом своего последнего успокоения святогорское кладбище, где были похоронены и другие ему близкие люди. Но выбрал он его не по душевным соображениям, считает он, а потому, что Пушкин предвидел, «каким нежелательным и опасным мог он оказаться после смерти для тех, кто стоял у власти». Приведем несколько наиболее любопытных фрагментов из статьи Бурцева, чтобы лучше понять его мысль.

«Пушкин теперь принадлежит новой, нынешней России, какой не было при нем - всей России, а не какому-нибудь одному ее

уголку, как бы тесно он ни был связан с его именем при его жизни. Эта новая Россия должна теперь устроить Пушкину национальные похороны. Его прах нужно перенести в сердце России <...> Может быть, то, что говорится выше, у некоторых вызовет возражения. Может быть, большие того, - протесты, протесты против того, чтобы когда-либо и куда-либо переносить прах Пушкина из того места, где он похоронен сто лет тому назад, даже хотя бы и для национальных похорон, каких он был лишен при своей смерти <...>. Русская история и история всех других стран знает много примеров, когда для национальных похорон переносили прах великих людей из случайных мест их погребения в национальные пантеоны. **Праха Пушкина должен покоиться в русском пантеоне <...>. А затем, - нечего бояться какого-либо умаления имени Пушкина при предстоящих национальных похоронах. Его имя выше всех партий и всяких событий текущей жизни в России. Если его чествование при перенесении его праха действительно будет национальным (а оно не может не стать национальным), то оно не будет умалено никем и ничем...**

Поэтому вопрос об устройстве национальных похорон Пушкина следует поставить теперь же, а к устройству их приступить должно будет тогда, когда мысль о них сделается в России достоянием огромного большинства, для кого Россия - родина, какой она была и для самого Пушкина».

Этот призыв не нашел отклика как в эмигрантской среде, так и в Советской России.

Таким образом, можно сказать, что все предложения о перенесении праха Пушкина из Святых Гор куда бы то ни было, в основном, не встречали одобрения - наоборот, и местное население, и поклонники творчества Пушкина из разных городов дружно объединялись, отстаивая последнюю волю поэта - его желание быть погребенным в родном уголке, рядом с дорогами для него могилами его предков.

Примечания

1. *Опочинин Е.* От Москвы до Святых Гор // Московский листок. Март. 1899
2. *Яблоновский А.* Поездка в Михайловское //Сын Отечества № 38. 1899
3. *Юрьева И.Ю.* «Неопубликованные воспоминания Н.И. Грановской о Михайловском. 1940-1949 гг». // Михайловская пушкиниана, выпуск 33. Пушкинские Горы - Москва. 2004. С. 78-84.
4. *Бурцев В.Л.* «Россия должна устроить Пушкину национальные похороны» // Центральный Пушкинский комитет в Париже (1935-1937), часть 1. Москва Эллиас Лак. 2000. С. 329 -332.